Т. Тюркер[1]

ЭПОХА РИФМЫ[2]

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза и окончания холодной войны, определенные политические и научные круги объявили о появлении нового мирового порядка, в котором США станут не имеющей себе равных супердержавой. В соответствии с тезисом «конец истории», ассоциирующимся с Фукуямой, этот новый миропорядок должен был положить конец всем идеологическим конфликтам[3]. Э. Дж. Хобсбаум[4] и З. Бауман[5], которые позиционировали себя как противники тезиса Фукуямы и считали этот процесс кризисом современности и периодом нестабильности, описывали распад Советского Союза как «неуверенность, нестабильность, хаос и гражданскую войну» и считали, что этот распад влияет на «систему, которая делает устойчивыми международные отношения». Они заявляли, что разрушение системы раскрыло «неустойчивость внутренних политических систем, которые, по сути, базировались на этой устойчивости». Они критиковали новый миропорядок за представление мира без «коллективной утопии», который не имеет разумной альтернативы себе самому. У. Бек также описывал конец холодной войны как способ легитимизации того, что представляет собой политика. Он утверждал, что она утратила силу и «политика встает на скользкий путь самоуничижения»[6]. В 1990-е годы американская гегемония установилась не только в политике. Кризис 1970-х и «монетаристская контрреволюция» 1980-х обеспечили краткосрочную экономическую и социальную belle époque (*фр.* прекрасная эпоха) американской гегемонии в 1990-е[7].

Хотя недолгая belle époque при американской гегемонии не являлась гарантией краха системы, в ней заключалась опасность повторения серьезного кризиса или периодов спада. И азиатский финансовый кризис 1997 года, и пережитые в 2000-е годы кризисы снова это продемонстрировали. В то время как кризис 2000–2001 годов оказал разрушительное воздействие на периферийные страны, кризис 2008 года, являющийся продолжением этого процесса, разразился в центральных. Это показало, что все страдают от глобальных рисков и необходимо искать радикальные решения. Как упоминал Бек, этот период следует рассматривать как время общественного, политического и мирового порядка или беспорядка, когда превалируют риски[8]. Риски оказывают многомерное воздействие на глобальном уровне на международную безопасность и финансы. Э. Гидденс утверждает, что, в отличие от прошлого, контроль над будущим является главной задачей современности, а поэтому концепция риска тоже становится центральной. Однако следует учитывать, что величина рисков изменилась в сравнении с прошлым[9].

Нынешний период надо рассматривать как период нестабильности, включающий много нового. Международная система в настоящее время находится в процессе, когда переплетены поликризисы[10], а также социальные, политические и финансовые. Ее появление восходит к XIX веку. При том мировом порядке, который существовал после XIX века, когда все стало взаимосвязано и больше невозможно было удержаться в рамках одной страны, важными стали проблемы управления глобальными рисками, разделения ответственности за риски, установления статус-кво и ответы на вопросы, кто будет наделен полномочиями на международном уровне. Уязвимость личных и коллективных активов, которые могут пострадать от глобальных рисков, и неопределенность относительно будущего институтов и структур в случае неуверенности и нестабильности — признаки того, что настоящий период является периодом восстановления.

Марку Твену принадлежит знаменитая фраза: «История не повторяется, но рифмуется». Если сосредоточиться на эволюции концепции стабильности, то ее можно рассматривать через исторические сравнения и создание системы международной безопасности и мирового порядка. Хотя упомянутые «рифмы» подходят для объяснения этапов установления суверенитета и гегемонии при балансе сил разных стран, следует также рассмотреть уникальные различия в процессе, который идет в настоящее время.

Если говорить о «рифмуемых» периодах, то период, который мы переживаем сегодня, напоминает три недавних. В таком случае первая «рифма» — это belle époque, вторая — период между двух войн, а третья — долгий XIX век, который следует оценивать как сложно структурированный процесс после Французской революции.

Наиболее характерная черта belle époque, которая вспоминается сегодня, — это то, что человечество считало ее периодом больших надежд. Во время belle époque история напоминала призрак. Можно сказать,

---

[1] Профессор факультета политологии Университета Анкары (Турция), доктор философии. Сфера научных интересов: история Оттоманской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Оттоманской и Российской империй и вопросам современной международной политики, в т. ч.: «Проблемы кризиса современности, поиска идентичности и демократии в западном мире», «История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи», «Российско-турецкие отношения в период А. А. Громыко и сейчас: ретроспектива и современный взгляд» и др.

[2] Из выводов, представленных в книге автора под тем же названием, выходившей на турецком языке: *Kafiye Çağı.* İstanbul : Kronik, 2023.

[3] См.: *Fukuyama F.* End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 18.

[4] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırıklar Çağı / çev. Yavuz Alogan. İstanbul : Sarmal Yayınevi, 1996. P. 23.

[5] См.: *Bauman Z.* Intimations of postmodernity. L. : Routledge, 1999. C. 25.

[6] См.: *Beck U.* Siyasallığın İcadı / çev. Nihat Ülner. İstanbul : İletişim Yayınları, 2013. P. 206–207.

[7] См.: *Arrighi G., Silver B. J., Ahmad I.* Chaos and Governance in the Modern World System. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999.

[8] См.: *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity / transl. by Mark Ritter, L. : Sage Publications, 1992.

[9] См.: *Giddens A.* Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. N.Y. : Routledge, 2002. P. 52.

[10] См.: *Tooze A.* Welcome to the world of the polycrisis // Financial Times. 2022. 28 Oct.

что люди не оглядывались на прошлую историю, скорее, все с надеждой смотрели в будущее, хотя человечество в конце концов и стало жертвой того периода.

Тогда люди считали, что пришел конец истории, и думали, что лучше могут выразить себя через культуру и искусство. В некотором смысле belle époque была периодом стабильности и мира; источником этой стабильности и ста лет мира были финансы, которые считались элементом модерации[1]. К. Поланьи заявляет, что международный баланс сил поддерживался благодаря политической функции международной валютной системы с 1871 по 1914 год, и утверждает, что организованность экономики проложила путь к обстановке мира и стабильности[2]. В частности, в 1830 году начался перерыв между двумя революциями, и belle époque[3] при гегемонии Великобритании позволяла расширение рынков в глобальных масштабах и инициировала период, который будет продолжаться до 1914 года. Во время этого процесса ориентированный на Великобританию мировой рынок поддерживал ее гегемонию против развивающихся мировых держав, таких как Германия[4]. В частности, между 1870 и 1913 годами «мировая система стабилизировалась благодаря гегемонии или, по крайней мере, центральному месту британской экономики и ее валюты, фунта стерлингов»[5]. Аналогично Лондону британская экономика стала истинным экономическим центром мира, а в ее основе лежал фунт стерлингов[6]. Международная система с центром в Англии, основанная на классическом либерализме и золотом стандарте, породила период все увеличивающегося процветания. Хотя Германия пыталась распространить немецкую марку на весь мир, она не смогла преодолеть гегемонию Великобритании в политической и военной областях, а в особенности в финансовой. К. Каутский представил концепцию ультраимпериализма — в мирной обстановке появляются новые державы, и это совсем необязательно приведет к конфликту при гегемонии Великобритании. Тем не менее капиталистические державы будут править миром, образовав некий вид картеля[7]. Однако предсказанного Каутским мира не случилось, и человечество в 1914 году было ввергнуто в Первую мировую войну. Таким образом, belle époque осталась в человеческой памяти красивой иллюзией, по которой испытывают ностальгию.

Еще одна «рифма», которую следует упомянуть, — это период между двумя войнами. Человеческая история заставляет заострить внимание на единой валютной системе в международной торговле, упорядоченной Западом, которая использовалась на протяжении почти восьмисот лет. Единственным исключением из этой неразрывности стал период между 1918 и 1939 годами, когда шел сложный процесс и в международной торговле превалировало несколько валют. Отказ от золотого стандарта, на котором основывалась система баланса сил и которым обеспечивалось функционирование системы, также привел к концу традиционной мировой экономики[8].

Этот период следует оценивать как период нестабильности в рамках Великой депрессии 1929 года, подъема фашизма, политики «Нового курса», принятой под руководством Рузвельта в США, и подъема советской системы как важного конкурента. В результате этой нестабильности по всему миру начался спад. Разрушения, вызванные войной, экономический застой, рост безработицы, неуверенность в политике были названы причинами этой стагнации. Даже в США, которые славятся самодостаточностью экономики и в наименьшей степени пострадали от войны (хотя даже США вышли из войны как страна-кредитор), не смогли остаться в стороне от этого процесса рецессии[9]. Поланьи осмысливает этот процесс, при котором классический либерализм потерпел банкротство, и называет его «великой трансформацией», а Э. Х. Карр считает период между войнами двадцатилетним кризисом, связываемым с банкротством классического либерализма, основанного на гармонии интересов[10]. В период между двумя войнами приобрели большое значение протекционистская политика и новые устремления, такие как, например, представление кейнсианской политики, к которым обращались, чтобы бороться с массовой безработицей и отсутствием спроса. Во время этого процесса быстрая индустриализация и развитие Советского Союза по «плану» сделали привлекательными новые экономические подходы.

«В период с 1929 по 1940 год промышленное производство в Советском Союзе выросло по крайней мере в три раза. Его доля в 1929 году составляла 5 % мирового промышленного производства, а к 1938 году выросла до 18 %. За этот же период общая доля США, Великобритании и Франции снизилась с 59 до 52 % общего мирового показателя»[11]. Конкретно эти цифры показывают подъем Советского Союза в период общего спада. Во время этого периода в мировой экономике произошли серьезные изменения, и США не смогли обеспечить какую-то альтернативу или восстановление системы, поддерживавшей стабильность, создав некий вариант belle époque при британской гегемонии, когда система платежей основывалась на фунте стерлингов[12]. Поэтому глубокий кризис в мировой экономике и отсутствие державы-гегемона в мире сделали невозможным возвращение belle époque. Поиск альтернативной

[1] См.: *Polanyi K.* Büyük Dönüşüm / çev. Ayşe Buğra. İstanbul : İletişim Yayınları, 2010. P. 37–50.

[2] См.: Ibid. P. 57.

[3] См.: *Arrighi G., Silver B. J.* Polanyi's «Double Movement»: The Belle Époques of British and U. S. Hegemony Compared // Politics & Society. 2003. № 31 (2). P. 325–355.

[4] См.: *Carr E. H.* The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction To The Study of International Relations, Edinburg : R. & R. Clark, 1946. P. 55–56. Карр утверждает, что Англия приняла политику свободной торговли в этот период, в то время как США и Германия выступили как соперники британской гегемонии путем введения протекционистской политики.

[5] См.: *Hobsbawm E. J.* The Age of Extremes. L. : Abacus, 1994. P. 271 ; *Idem.* Sanayi ve İmparatorluk / çev. Abdullah Ersoy. Ankara : Dost Kitabevi, 2003. P. 139. В частности, 1913-й стал рекордным годом для британской торговли. (см.: *Carr E. H.* Op. cit. P. 108).

[6] См.: *Hobsbawm E. J.* Sanayi ve İmparatorluk / çev. Abdullah Ersoy. Ankara : Dost Kitabevi, 2003. P. 139.

[7] См.: *Kautsky K.* Ultraimperalism // Die Neue Zeit. 1914. 11 Sept.

[8] См.: *Polanyi K.* Op. cit. P. 36.

[9] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırılıklar Çağı. P. 118–119.

[10] См.: *Carr E. H.* Op. cit.

[11] См.: *Hobsbawm E. J.* Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırılıklar Çağı. P. 117.

[12] См.: *Arrighi G., Silver B. J.* Polanyi's «Double Movement».

рыночной экономики, в особенности приближение государства всеобщего благоденствия, идея которого впервые была предложена Дж. М. Кейнсом, а также ядерная политика в период холодной войны сохраняли равновесие и стабильность в экономической и международной системе власти. В частности, при создании Бреттон-Вудской системы была предпринята попытка покончить с финансовой нестабильностью путем создания механизмов для контроля послевоенного потока капиталов, а американский доллар стал единой валютой. После Второй мировой войны, когда «война создала государство, а государство стало вести войну», которая рассматривалась, как нормальное явление и мощный инструмент международной системы, произошли изменения: статус-кво сменился и стал поддерживаться невоенными средствами[1]. Таким периодом перемен стала холодная война, которая создала период стабильности. Эта экономическая стабильность исходит из ядерной угрозы, которая позволяет международной системе стабилизироваться, хотя и через принуждение и сдерживание.

Последняя из трех «рифм» — это долгий XIX век[2]. Его следует рассматривать как долгосрочный кризис, учитывая влияние строительства национальных государств, а также процесса индустриализации и модернизации в последующие столетия. В отличие от принятой точки зрения, это период скорее нестабильности, чем стабильности, который принес настолько радикальные перемены, что его необходимо рассматривать скорее не как перемену, а как трансформацию, которая формируется экономически, политически и идеологически, в особенности «двойной революцией» 1789 года и ее дополнением 1848 года[3]. Здесь не играет никакой роли то, что, по мнению Хобсбаума, многие перемены все еще требуется довести до конца и, несмотря на уникальный опыт, в экономике, технической и социальной сферах все еще не достигнуто равновесие[4]. Нет окончательного ответа на вопрос о том, когда закончился XIX век, учитывая, что некоторые основополагающие ценности в социальной сфере, экономике и международной политике относятся к этому периоду. Кстати, в то время как некоторые ученые заявляют, что этот век завершился в 1900 году, а другие — что в 1945-м, есть и те, кто считает, что он продолжается до сих пор. Как упоминалось выше, становление скорее восходит ко всему XIX веку, а не вписывается в какие-то краткосрочные временны́е рамки. Это социальные, политические и экономические установки, сформированные в XIX веке. Более того, следует учитывать, что эти проблемы являются результатом долгосрочных тенденций.

Бауман и Бордони дали определение социальных проблем 1970-х годов, намекая, что американизм зависит от роста потребления. Они ссылались на упадок Запада из-за краха цивилизации и «быстрого сокращения мирового материального господства и духовной гегемонии Европы» [5]. Бауман и Бордони говорили о синдроме потребителя и утверждали, что современное общество потребляет не только товары, но и предоставляемые людьми услуги, а поэтому и человеческие отношения.

Во-первых, главная причина этой проблемы на социальном уровне — это экономическая трансформация, которая может считаться проблемой постиндустриального общества. Растущие финансовые системы начиная с 1970-х годов усилили значение финансового капитала. После Второй мировой войны уход государственного сектора из финансовой системы, основанной на рыночных принципах, несостоятельность кейнсианской политики, принятие Вашингтонского консенсуса и попадание национальных государств под контроль механизмов финансового капитала привели к разрушению способности национальных государств к принятию решений в области экономики. Д. Харви утверждал, что трансформация или кризис гибкого накопления в производстве, условиях труда и потреблении является результатом поиска финансовых решений. Если говорить о финансовом уровне, то можно определить, что в мире идет перестройка, а валютная инфляция ведет к кризису. Харви писал, что если мы ищем отличительную черту, то нам нужно посмотреть на финансовую сферу и кредитную систему. Также он заявлял, что, хотя эти два механизма обеспечивают краткосрочную стабильность, в некоторой степени это откладывает кризис[6].

Во-вторых, изменения в общественной жизни — это еще одна проблема в дополнение к экономике и финансам. Хобсбаум объясняет парадокс XXI века тем, что общество подобно вакууму, несмотря на мгновенный доступ к массе информации[7]. Этот парадокс приводит к сужению смыслового содержания информации и исчезновению ее ценности, создавая некий вид эрозии познания[8]. Бауман называет этот процесс «текучей современностью». Текучая современность не только облегчает создание сообществ с помощью новых информационных технологий, размывает различия между общественным и личным, лишает конфиденциальности, ослабляет связи между людьми, она также ведет и к возникновению ненадежных отношений вместо сообществ старого типа[9]. В процессе, когда «все разваливается на части, а центр не может ничего удержать»[10], по словам Баумана и Бордони, «общества, которые прекрасно знают, чего они не хотят, но понятия не имеют о том, что хотят, которые атомизированы, утратили свои политические черты и неорганизованны, могут создать серьезные проблемы для обще-

[1] См.: *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // From Bringing the State Back In / ed. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge Univ. Press, 1985. P. 169–191.

[2] См.: *İlber Ortaylı.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul : Kronik Yayınları, 2018.

[3] См.: *Hobsbawm E. J.* Devrim Çağı 1789–1848 / çev. Bahadır Sina Şener. Ankara : Dost Kitabevi, 2003.

[4] См.: Ibid. P. 327.

[5] См.: *Bauman Z., Bordoni C.* State of Crisis. Cambridge Polity Press, 2016. P. 149.

[6] См.: *Harvey D.* Postmodernliğin Durumu. Metis Yayincilik, 2003.

[7] См.: *Hobsbawm. E. J.* Yeni Yüzyılın Eşiğinde / çev. İbrahim Yıldız. İstanbul : Yordam Kitap, 2007. P. 186.

[8] *Bauman Z.* Modernite, Kapitalizm, Sosyalizm / çev. F. Doruk Ergun. İstanbul : Say Yayınları, 2014, P. 118–119 ; *Hari J.* Çalınan Dikkat: Neden Odaklanamıyoruz? / çev. Barış Engin Aksoy. İstanbul : Metis Yayınları, 2022. P. 49.

[9] См.: *Bauman Z.* Op. cit. P. 108–120.

[10] См.: *Berman M.* Katı Olan Her Şey Buharlaşıyor / çev. Ümit Altuğ, Bülent Peker. İstanbul : İletişim Yayınları, 2013. P. 127.

ственного порядка» [1]. Крах общественных отношений также ведет к падению «публичной сферы, которая является зоной переговоров», где ограничиваются частные интересы и происходят рациональные дискуссии[2]. Поскольку распад публичной сферы представляет собой немалую опасность, уже должна быть среда, необходимая для ее восстановления. Во время пандемии гибель «койнонии» и господство «идиона» также упоминались в пессимистических сценариях. Следовательно, эти дискурсы необходимо рассматривать в контексте краха публичной сферы.

В-третьих, политика — это еще один момент неблагополучия, который необходимо подчеркнуть. Как часто подчеркивается в литературе, поиск стабильных политических субъектов во времена нестабильности становится проблемой. Появляются экстремистские политические движения и находят отклик в обществе, которое рассеяно и дезорганизовано. Как указывает Поланьи, такие периоды спада и нестабильности ведут к росту социальных реакций и различным общественным тенденциям[3]. Поэтому складывающаяся в результате ситуация снова напоминает нам XIX век. Хотя считается, что эти проблемы являются проблемами западного мира, ясно, что присутствует возможность и даже необходимость их распространения на незападный мир. Глобальная гегемония Запада экспортировала эти проблемы в регионы за его границами и в плане modus vivendi (*лат.* способ существования, образ жизни), и в политическую сферу. Поэтому, хотя у народов и общественных институтов имеются собственные исходные позиции, на исторических поворотных точках они объединяются в борьбе за существование[4].

В дополнение к перечисленным «рифмам» следует сказать, что нынешний период является нестабильным и его можно считать процессом восстановления по трем главным направлениям:

1) трансформация западной системы в социальной, политической и экономической сферах;

2) изменения в составе мировых акторов (различные региональные державы и национальные государства при глобальном разделении власти держат в приоритете свои интересы);

3) глобальный вызов и подъем Китая.

Можно провести оценку существующей международной системы, в центре которой находятся США, и представить ее в свете понимания гегемонии А. Грамши[5]. Нравственное и интеллектуальное лидерство составляет важный оплот при установлении гегемонии. Как мы видели выше, гегемония не является бессрочно воспроизводимой в историческом процессе из-за ее кризиса. Следует учесть, что кризис гегемонии не требует исчезновения доминирующей политической и социальной системы или установления альтернативного порядка гегемонии. Хотя в западной системе иногда начинался кризис гегемонии, ей удавалось воспроизводить последнюю в экономической, политической и культурной сферах в рамках исторической преемственности. Хотя Советский Союз пытался стать державой-контргегемоном в отношении западной гегемонии в период холодной войны, он так и не смог предложить альтернативу долларовой системе и продолжал существовать в ее рамках благодаря соглашению с Западом или принуждению и сдерживанию, в особенности из-за той силы, которую давала ядерная угроза. Состояние баланса и стабильности, которое она давала, ушло из-за кризиса гегемонии. В наше время национальные государства отличаются многообразием и отходят от традиционных идеологий, некоторые из них хотят действовать более активно, чем раньше, в рамках сложившейся мировой системы. Поэтому появились тенденции к поиску нового политического равновесия. Эти тенденции, которые возникали в результате брошенного западной системе вызова, в процессе чего определенные национальные государства как субъекты снова пытались расширить свои юрисдикции, а также восстановить разделение, проявляются как голлизм в Индонезии, Бразилии, на Ближнем Востоке, в ЮАР и т. д.

В дополнение к подходу Грамши это изменение можно проанализировать через *Aux bords du politique* — «На краю политического», важную работу Ж. Рансьера. Рансьер утверждает, что политика может появиться в любое время вместе с разработкой концепции. По его мнению, политика ведется в рамках полиса, который определяет становление, в то время как реальная политика возникает в демосе, который становится политическим субъектом при появлении политического порядка[6]. Полис — это поддержание порядка и становление. Политика находится в его рамках, но становится заметной с вопросом: «Какая роль отводится тем, у кого нет роли?», появляясь вместе с процессом политической субъективации тех, у кого нет роли. Она продолжает быть действенной для западной внутренней политической системы, с желанием и неуверенностью в радикальной трансформации центризма и структуры общества, и связана с тем фактом, что новые акторы в международной политике на «краю» Запада сами начали делать политику.

В этом смысле можно провести оценку на основе «незнакомца» Зиммеля. В некоторой степени концепция «незнакомца»[7], созданная на основе социальных типов, адаптируется к международному уровню, и те, кто остается на «краю» Запада, — это субъективность, которая скорее «существует сегодня и имеет потенциал существовать завтра», а не быть в некотором роде flâneur (*фр.* фланер, кутила, гуляка)[8]. Следует отметить один важный момент: государство далеко, а на «краю» возможно существование других возможностей и допускается объективное наблюдение. Нужно учитывать то, чему мы научились у Н. Макиавелли,

[1] См.: *Bauman Z., Bordoni C.* Op. cit.

[2] См.: *Habermas J.* Kamusallığın Yapısal Dönüşümü / çev. Tanıl Bora, Mithat Sancar. İstanbul : İletişim Yayınları, 2021.

[3] См.: *Polanyi K.* Op. cit.

[4] См.: Ibid. P. 67.

[5] См.: *Gramsci A.* Hapishane Defterleri, Seçmeler / çev. Adnan Cemgil. İstanbul : Belge Yayınları, 1986. P. 28–32; 282–288; 319–324.

[6] См.: *Rancière J.* Siyasalın Kıyısında / çev. Aziz Ufuk Kılıç. İstanbul : İletişim Yayınları, 2016. P. 71–78.

[7] См.: *Simmel G.* Bireysellik ve Kültür / çev. Tuncay Birkan. İstanbul : Metis Yayıncılık.

[8] См.: *Baudelaire Ch.* Modern Hayatın Ressamı / çev. Ali Berktay, İstanbul : İletişim Yayınları, 2009 ; *Benjamin W.* Pasajlar / çev. Ahmet Cemal. İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 2012.

который говорит во вступлении к трактату «Принц»: «Как художнику, который рисует пейзаж, нужно спуститься в долину, чтобы охватить взглядом горы и холмы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть правителем, и чтобы постигнуть природу правителей, надо принадлежать народу»[1]. В соответствии с логикой необходимости «незнакомец» также может вести объективное наблюдение. Может подразумеваться, что субъективность позиционируется как «незнакомец» при западных системных переменах, а существование «незнакомца» остается постоянным. В этом контексте «незнакомец» может быть полезен Западу для перестройки себя политически, социально и экономически, поскольку существование Запада зависит от «незнакомца». В этом плане ясно, что западной системе жизненно необходимо восстановление путем расширения. Не следует путать подобное положение дел с такими экстремистскими дискурсами, как «крах Запада».

Самым сложным аспектом нынешнего периода следует считать подъем Китая. Хотя Китай пока не предпринял никаких определенных шагов для установления сконцентрированной на юане международной торговли, недавнее заседание Атлантического совета, организованное МВФ, носило название «Бреттон-Вудс 2.0». Китай громко задает вопрос, стоящий на повестке дня МВФ или Атлантического совета. В последние месяцы было объявлено, что Китай заключил соглашения о балансе импорта и экспорта энергоресурсов со многими странами, например Ганой и Саудовской Аравией, в их валютах. Торговля энергоресурсами между Россией и Индией достигла невиданных масштабов. Поэтому следует понять, что сегодняшний главный вызов исходит от Китая. В последние время часто обсуждались взаимоотношения Китая и Америки, и их называли «новой холодной войной» или «двумя различными путями капитализма»[2]. Растущая мощь Китая представляет угрозу гегемонии США и их экономическим отношениям с Африкой и Латинской Америкой. Также следует отметить культурную экспансию Китая (например, проект «Один пояс — один путь») вместе с конкуренцией внутри международных организаций, создание таких организаций, как Азиатский инвестиционный банк и его влияние на права интеллектуальной собственности. Все это заставляет США принимать меры предосторожности против этой угрозы.

Три упомянутые выше структурные темы (экономическая, финансовая, социальная и политическая трансформация западной системы; предпочтение своих интересов в мировой системе определенными региональными державами и национальными государствами; глобальный вызов Китая), «рифмующиеся» с тремя периодами (belle époque, период между двумя войнами и долгий XIX в.), могут служить маяком для анализа нынешней ситуации в мире. Для оценки такого кризисного периода, когда все структуры между технологической технократией и бюрократическим бонапартизмом открыты для дискуссии и вызова; исследуется проблема идентичности; все старые и новые субъекты имеют сложности с производительностью; проявляются конкретные стремления, подходят слова А. Грамши: «старое умирает, а новое не может родиться»[3]. Поэтому нужно принять эти слова за истину, которая подходит также и к этому периоду. М. Олбрайт однажды сказала, что она «оптимистка, которая много беспокоится»[4]. Вероятно, если высказаться аналогично этой фразе, в наши дни будет правильно занять позицию «пессимиста, который редко надеется».

[1] См.: *Machiavelli N.* The Prince / transl. by J. B. Atkinson. Indianapolis ; Cambridge : Hackett Publishing Company, 2008, P. 97.

[2] См.: *Milanovic B.* With the US and China, Two Types of Capitalism Are Competing with Each Other. Promarket, 2019. 25 Sept. ; *Rana P. B., Ji X.* From Centralising to Decentralising Global Economic Architecture: The Asian Perspective. Palgrave Macmillan, 2022.

[3] См.: *Gramsci A.* Les Cahier de Prison. Cah. 3. P. : Gallimard, 1983.

[4] См.: *Albright M.* I am an optimist who worries a lot. Der Spiegel International. 2018. 11 July. URL: https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-madeleine-albright-a-1217661.html (дата обращения: 14.05.2024).